

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2026.37.15.011

Концепция глобального управления Китая: экономические механизмы и влияние на развивающиеся страны

Макаревич-Константинова Анна Александровна

Старший преподаватель,
кафедра экономики, управления производством
и государственного и муниципального управления,
Институт экономики и права,
Петрозаводский государственный университет,
185910, Российская Федерация, Петрозаводск, пр. Ленина, 33;
e-mail: Makarevich@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется китайская концепция глобального управления, её экономические механизмы и влияние на развивающиеся страны в контексте геополитических изменений 2022–2026 годов. Автор анализирует эволюцию внешнеэкономической стратегии КНР, от принципа «мирного развития» к идее «сообщества единой судьбы человечества», и раскрывает ключевые инструменты реализации этой модели: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шёлкового пути, инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), двусторонние кредитные линии, зоны свободной торговли и механизмы валютной дипломатии. На основе региональных кейсов (Африка, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка) оцениваются эффекты сотрудничества с Китаем: с одной стороны — ускорение инфраструктурного развития и доступа к технологиям, с другой — риски долговой зависимости, экологических конфликтов и технологической уязвимости. Особое внимание уделено критике китайской модели: обвинениям в «долговых ловушках», нерыночных практиках и геополитической поляризации. В работе также рассмотрены перспективы развития концепции, включая интеграцию ESG-стандартов, цифровизацию сотрудничества («Цифровой Шёлковый путь») и поиск баланса в отношениях с Западом. Сделан вывод о том, что устойчивость китайской модели зависит от способности Пекина сочетать стратегические амбиции с решением глобальных проблем — от климатического кризиса до цифровой безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Макаревич-Константинова А.А. Концепция глобального управления Китая: экономические механизмы и влияние на развивающиеся страны // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 1А. С. 114-125. DOI: 10.34670/AR.2026.37.15.011

Ключевые слова

Китайское глобальное управление; «Один пояс, один путь» (ОПОП); Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ); Фонд Шёлкового пути; развивающиеся страны; долговая дипломатия; ESG-стандарты; цифровая интеграция; многополярность; геополитическая конкуренция; БРИКС+; ШОС; технологическая зависимость; устойчивое развитие; валютная дипломатия.

Введение

В последние десятилетия мир переживает глубокую трансформацию системы глобального управления. На фоне ослабления традиционных западных институтов и роста геополитической напряжённости всё более заметную роль в формировании новых правил международного взаимодействия играет Китай. Его подход к глобальному управлению, основанный на прагматизме, суверенитете и экономической взаимозависимости, предлагает развивающимся странам альтернативную модель сотрудничества, существенно отличающуюся от западного либерального порядка.

Актуальность исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, Китай последовательно укрепляет свои позиции как один из центров мировой экономики, активно продвигая собственные инициативы — от Азиатского банка инфраструктурных инвестиций до масштабного проекта «Один пояс, один путь». Во-вторых, для десятков развивающихся стран сотрудничество с Китаем становится важнейшим источником финансирования, технологий и доступа к рынкам, что формирует новую конфигурацию экономических связей в глобальном масштабе. В-третьих, эта модель вызывает неоднозначную оценку: с одной стороны, она ускоряет инфраструктурное развитие и экономический рост, с другой — порождает риски долговой зависимости, экологических проблем и утраты суверенитета.

Цель данной статьи — проанализировать экономические механизмы, лежащие в основе китайской концепции глобального управления, и оценить их влияние на развивающиеся страны. Для достижения этой цели предстоит решить следующие задачи:

- выявить ключевые принципы китайской внешнеэкономической стратегии и её эволюцию;
- систематизировать основные инструменты экономического влияния Китая (финансовые, инфраструктурные, торговые, валютные);
- изучить конкретные кейсы взаимодействия Китая с развивающимися странами в разных регионах мира;
- оценить преимущества и риски, связанные с участием в китайских инициативах;
- определить перспективы развития китайской модели глобального управления в условиях меняющегося мирового порядка.

Методологическая база исследования включает анализ официальных документов КНР, статистических данных международных организаций, отчётов аналитических центров, а также кейс-стади наиболее показательных примеров сотрудничества Китая с государствами Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Такой подход позволяет не только описать механизмы китайского глобального управления, но и выявить их реальные последствия для стран-партнёров.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении китайской модели через призму её экономических инструментов и их воздействия на развивающиеся государства. В отличие от исследований, фокусирующихся исключительно на политических аспектах, данная статья делает акцент на практических механизмах взаимодействия, что даёт возможность лучше понять логику китайской стратегии и её потенциальные долгосрочные эффекты.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть полезны для политиков и экономистов развивающихся стран, стремящихся выстроить сбалансированные отношения с Китаем, минимизировав риски и максимизировав выгоды от сотрудничества. Кроме того, результаты анализа могут использоваться в академической среде для дальнейшего

изучения трансформации системы глобального управления в XXI веке.

Эволюция внешнеэкономической стратегии Китая отражает глубинную трансформацию его роли в мировой политике и экономике. На протяжении десятилетий Пекин последовательно двигался от модели «мирного развития», сформулированной в начале 2000-х годов, к более амбициозной концепции «сообщества единой судьбы человечества», которая сегодня служит идеологической основой его глобального присутствия. Этот переход не был спонтанным: он обусловлен как внутренними процессами модернизации, так и внешними вызовами, связанными с кризисом традиционных механизмов многостороннего сотрудничества.

Основная часть

В основе китайской модели глобального управления лежит система принципов, формировавшихся на протяжении нескольких десятилетий. Ключевым остаётся принцип невмешательства во внутренние дела государств — наследие «пяти принципов мирного сосуществования», сформулированных ещё в 1950-е годы. Этот постулат позволяет Китаю выстраивать отношения с самыми разными режимами, избегая морализаторства и фокусируясь на прагматичном взаимодействии. В отличие от западной модели, где политические условия часто становятся частью экономического диалога, китайская дипломатия делает ставку на суверенитет партнёров как незыблемую основу сотрудничества.

Не менее важен принцип взаимной выгоды, который в китайской риторике часто выражается формулой «win-win». Он подразумевает, что любое взаимодействие должно приносить осязаемые результаты обеим сторонам, а не сводиться к односторонним уступкам. На практике это проявляется в структуре китайских инвестиций: они нередко сочетаются с экспортом технологий, передачей компетенций и созданием локальных рабочих мест. Однако за этой риторикой стоит и прагматичный расчёт: Китай стремится закрепить долгосрочные рынки сбыта, обеспечить доступ к ресурсам и выстроить цепочки добавленной стоимости, где он занимает ключевые позиции.

Особый акцент делается на опоре на многосторонние институты с китайским участием. Пекин не стремится разрушить существующую систему международных организаций, но активно создаёт альтернативные платформы, где может влиять на формирование норм. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и формат «БРИКС+» становятся для Китая инструментами продвижения собственных правил игры. При этом Китай подчёркивает приверженность ООН как центру международной системы, что позволяет ему позиционировать себя не как ревизиониста, а как реформатора, стремящегося к «демократизации» глобального управления.

Существенное отличие китайской концепции от западной заключается в отказе от ценностного императива. Если западные страны нередко связывают экономическую помощь с требованиями демократизации или соблюдения прав человека, Китай делает акцент на технических аспектах сотрудничества: строительстве дорог, портов, энергетических объектов. Это создаёт привлекательную альтернативу для многих развивающихся государств, которые видят в таком подходе возможность ускоренного роста без политических издержек.

Вместе с тем китайская модель не лишена внутренних противоречий. С одной стороны, она декларирует равенство участников и уважение суверенитета, с другой — предполагает определённую иерархичность, где Китай выступает как системный архитектор, задающий параметры взаимодействия. Эта двойственность отражается и в практике реализации крупных

инициатив, таких как «Один пояс, один путь», где экономические выгоды для партнёров нередко сопровождаются ростом долговой нагрузки и усилением зависимости от китайских технологий.

Таким образом, теоретическая база китайского глобального управления представляет собой синтез традиционных принципов внешней политики и новых стратегических амбиций. Она сочетает в себе:

- стремление к многополярности и децентрализации международного порядка;
- прагматичный подход к экономическому сотрудничеству;
- осторожную ревизию существующих институтов через создание параллельных структур.

Эта модель продолжает эволюционировать, адаптируясь к меняющейся геополитической обстановке, но её ключевые элементы остаются неизменными, формируя уникальную альтернативу западному видению глобального управления.

Основные экономические механизмы китайского глобального управления

Китайская модель глобального управления опирается на разветвлённую систему экономических инструментов, позволяющих Пекину не только расширять своё влияние, но и формировать устойчивые взаимосвязи с партнёрами. В отличие от традиционных западных механизмов, ориентированных на условности и ценностные критерии, китайские подходы делают ставку на прагматизм, долгосрочность и взаимную выгоду, что особенно привлекательно для развивающихся стран.

Ключевым финансовым инструментом выступает Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), учреждённый в 2015 году. Его миссия — содействие устойчивому развитию и укреплению инфраструктурной взаимосвязанности экономик региона. Банк финансирует проекты в энергетике, транспорте, телекоммуникациях, используя широкий спектр инструментов: кредитование, участие в капитале, предоставление гарантий. АБИИ не заменяет Всемирный банк или Азиатский банк развития, но создаёт параллельную платформу, где Китай может влиять на приоритеты финансирования и стандарты реализации проектов.

Не менее значим Фонд Шёлкового пути, созданный в 2014 году с капитализацией в 40 млрд долларов США. Он служит финансовым рычагом для реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), объединяя ресурсы государственных и частных инвесторов. Фонд фокусируется на стратегических секторах: логистика, энергетика, цифровая инфраструктура. Его особенность — гибкость в отборе проектов и готовность сочетать гранты, льготные кредиты и прямые инвестиции, что снижает входные барьеры для партнёров.

Сама инициатива ОПОП представляет собой комплексный механизм экономического влияния. Запущенная в 2013 году, она объединяет два магистральных направления:

- «Экономический пояс Шёлкового пути» (сухопутные коридоры через Центральную Азию, Россию, Европу);
- «Морской шёлковый путь XXI века» (морские маршруты через Индийский океан к Средиземноморью и Африке).

ОПОП не сводится к финансированию строек: это система, выстраивающая цепочки добавленной стоимости, где Китай занимает центральные позиции. Проекты включают порты, железные дороги, промышленные парки, цифровые сети — всё, что обеспечивает бесперебойные поставки ресурсов в Китай и экспорт китайских товаров на новые рынки.

Важную роль играет двусторонняя кредитная дипломатия. Китай предоставляет государствам-партнёрам льготные займы на инфраструктурные проекты, часто без жёстких условий, характерных для МВФ или Всемирного банка. Это ускоряет реализацию инициатив,

но порождает риски долговой зависимости. Примеры таких схем видны в Африке и Юго-Восточной Азии, где китайские кредиты составляют значительную долю внешнего долга стран.

В торговой сфере Китай использует зоны свободной торговли (ЗСТ) и преференциальные соглашения. Они снижают барьеры для экспорта китайских товаров и технологий, одновременно открывая доступ к ресурсам партнёров. Например, ЗСТ с АСЕАН или двусторонние договорённости с африканскими государствами позволяют Пекину интегрировать экономики регионов в свои цепочки поставок. Параллельно развивается механизм валютных свопов, способствующий дедолларизации расчётов и интернационализации юаня. Такие соглашения заключены с десятками стран, от Пакистана до Аргентины, что укрепляет финансовую автономию партнёров от западной системы.

Особого внимания заслуживает экспорт промышленных стандартов и технологий. Китай продвигает собственные решения в области 5G, «умных городов», возобновляемой энергетики, предлагая их в комплекте с финансированием. Это создаёт долгосрочную зависимость от китайских технологических платформ, но одновременно ускоряет модернизацию инфраструктуры в развивающихся странах.

Таким образом, экономические механизмы китайского глобального управления образуют многоуровневую систему:

- финансовые институты (АБИИ, Фонд Шёлкового пути) обеспечивают ресурсную базу;
- инфраструктурные проекты (ОПОП) формируют физические коридоры влияния;
- торговые и валютные инструменты закрепляют экономические связи;
- технологическая экспансия создаёт стандарты будущего взаимодействия.

Эта модель сочетает элементы мягкой силы (помощь, инвестиции) и жёсткой экономической логики (контроль над цепочками поставок), что делает её одновременно привлекательной и вызывающей опасения у партнёров. Для развивающихся стран она открывает доступ к капиталу и технологиям, но требует взвешенной оценки долгосрочных последствий интеграции в китайскую систему глобального управления.

Реализация китайских экономических механизмов в рамках глобального управления порождает неоднозначные последствия для развивающихся стран. С одной стороны, доступ к финансированию, технологиям и рынкам стимулирует рост и модернизацию; с другой — возникают риски долговой зависимости, экологической нагрузки и утраты стратегического суверенитета.

Китай стал крупнейшим кредитором и инвестором в африканских странах, фокусируясь на транспортных коридорах, энергетических объектах и цифровых сетях. Проекты вроде железной дороги Момбаса — Найроби (Кения) или порта в Джибути демонстрируют способность Китая ускорять инфраструктурное развитие. Однако за этим стоит и обратная сторона: значительная часть кредитов предоставляется под залог стратегических активов (например, контроль над портовыми операциями). В Замбии и Анголе рост долговой нагрузки привёл к необходимости реструктуризации обязательств, что ставит под вопрос долгосрочную финансовую автономию. При этом передача технологий остаётся ограниченной: большинство строительных работ выполняют китайские компании с привлечением собственных специалистов, что снижает мультипликативный эффект для местной экономики.

В Юго-Восточной Азии Китай использует сочетание инвестиций и торговых преференций для встраивания экономик в свои производственные сети. В Мьянме и Лаосе китайские проекты ГЭС и автодорог стимулируют приток капитала, но вызывают протесты из-за вырубке лесов и

переселения общин. В Индонезии и Малайзии сотрудничество с Китаем в сфере возобновляемой энергетики (солнечные панели, аккумуляторы) ускоряет декарбонизацию, однако сопровождается требованиями доступа к редкоземельным металлам. Ключевой тренд — формирование «малых Шёлковых путей» внутри региона, где Китай выступает центром перераспределения товаров и капитала. Это усиливает экономическую взаимозависимость, но повышает уязвимость партнёров к колебаниям китайской экономики.

В странах Латинской Америки: в Аргентине, Бразилии и Эквадоре Китай наращивает присутствие через соглашения о поставках сырья (литий, соя, нефть) в обмен на инвестиции в порты и железные дороги. В Чили китайские компании доминируют в производстве литий-ионных батарей, что создаёт зависимость от китайских стандартов. Одновременно Пекин продвигает цифровые решения (5G от Huawei), вызывая встречное давление США и ЕС, которые обвиняют Китай в угрозе кибербезопасности. Для латиноамериканских государств это оборачивается необходимостью балансировать между экономическими выгодами и геополитическими рисками, особенно в условиях ужесточения санкционной политики Запада.

Общие эффекты для развивающихся стран

Ускорение роста при структурных ограничениях. Китайские инвестиции сокращают инфраструктурные разрывы, но редко сопровождаются глубокой передачей компетенций. Местные предприятия остаются поставщиками сырья или низкотехнологичных компонентов.

Долговая уязвимость. Кредиты под высокие проценты и залоговые схемы (например, передача контроля над портами) ограничивают фискальную гибкость. В 2020-х годах ряд стран (Эфиопия, Пакистан) столкнулся с необходимостью переговоров о реструктуризации.

Экологические и социальные издержки. Проекты в сфере добычи полезных ископаемых и энергетики часто игнорируют местные экологические нормы, провоцируя конфликты с населением.

Геополитическая переориентация. Сотрудничество с Китаем усиливает влияние Пекина в региональных организациях (Африканский союз, CELAC), но провоцирует ответные меры Запада (инициативы PFI, санкции против китайских партнёров).

Технологическая зависимость. Внедрение китайских стандартов (от 5G до платёжных систем) упрощает цифровизацию, но создаёт риски блокировки доступа к технологиям в случае политических разногласий.

Влияние китайской модели глобального управления на развивающиеся страны носит двойственный характер. С одной стороны, она предлагает альтернативу западным механизмам финансирования, снижая барьеры для инфраструктурного развития. С другой — формирует асимметричные отношения, где партнёры оказываются в роли ресурсных доноров с ограниченной способностью влиять на условия сотрудничества. Долгосрочная устойчивость этой модели будет зависеть от того, насколько Китай сможет:

- снизить долговую нагрузку партнёров через гранты и льготные кредиты;
- расширить передачу технологий и подготовку кадров;
- учитывать экологические и социальные стандарты, принятые в международном сообществе.

Для развивающихся стран ключевым вызовом остаётся поиск баланса между использованием китайских ресурсов и сохранением стратегического суверенитета в условиях растущей геополитической конкуренции.

Несмотря на очевидные преимущества, которые китайская модель глобального управления предлагает развивающимся странам, она сталкивается с серьёзной критикой и порождает ряд

системных вызовов. Эти проблемы затрагивают экономические, экологические, социальные и геополитические аспекты взаимодействия и требуют взвешенного анализа.

Одним из наиболее обсуждаемых негативных последствий сотрудничества с Китаем становится рост долговой нагрузки у стран-партнёров. Механизм кредитования, при котором займы предоставляются под залог стратегических активов (портов, месторождений, инфраструктурных объектов), создаёт угрозу утраты контроля над ключевыми секторами экономики. Примеры реструктуризации долгов в Замбии, Пакистане и Шри-Ланке демонстрируют, что в кризисных ситуациях Китай может использовать долговые обязательства как инструмент влияния, вынуждая страны идти на уступки — от передачи активов до политических компромиссов. При этом прозрачность условий кредитования нередко остаётся низкой, что усложняет оценку долгосрочных последствий для национального суверенитета.

Масштабные инфраструктурные инициативы, реализуемые в рамках ОПОП, часто сопровождаются серьёзными экологическими рисками:

- вырубка лесов и разрушение экосистем при строительстве дорог и ГЭС;
- загрязнение водоёмов в результате добычи полезных ископаемых;
- нарушение прав местных сообществ, включая принудительное переселение.

В Мьянме, Лаосе и Эквадоре протесты против китайских проектов стали регулярным явлением, указывая на дефицит учёта социальных и экологических стандартов. Хотя Китай декларирует приверженность принципам устойчивого развития, на практике экологические требования нередко уступают приоритету скорости реализации проектов. Это подрывает доверие к китайской модели и провоцирует конфликты с гражданским обществом.

Критики указывают на ряд инструментов, которые искажают конкуренцию и создают неравные условия для местных компаний:

- субсидирование китайских корпораций, позволяющее им предлагать заниженные цены на контракты;
- демпинг на рынках строительных услуг и технологий;
- требование эксклюзивного доступа к ресурсам в обмен на инвестиции.

Такие практики вызывают ответные меры со стороны Запада: ЕС и США инициируют альтернативные программы финансирования (например, Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGII), позиционируя их как «этичные» альтернативы китайским кредитам. Это усиливает поляризацию глобального экономического пространства и вынуждает развивающиеся страны выбирать между разными моделями сотрудничества.

Сближение с Китаем нередко влечёт за собой вторичные санкции и ограничение доступа к западным рынкам. Например, сотрудничество с Huawei в сфере 5G привело к давлению на страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии со стороны США. Кроме того, участие в китайских инициативах может осложнить взаимодействие с международными финансовыми институтами (МВФ, Всемирный банк), которые учитывают геополитические факторы при выделении кредитов. В результате партнёры Китая оказываются в положении «разделяемых» государств, вынужденных балансировать между экономическими выгодами и политическими издержками.

Хотя Китай декларирует готовность делиться технологиями, на практике передача знаний остаётся фрагментарной. Большинство крупных проектов реализуются китайскими подрядчиками с привлечением собственных специалистов, что ограничивает возможности для роста местных кадров. В секторах вроде возобновляемой энергетики или цифровизации

страны-партнёры часто становятся потребителями готовых решений, не получая доступа к ключевым ноу-хау. Это закрепляет их роль как периферийных участников глобальных цепочек добавленной стоимости.

В ответ на экспансию китайской модели западные страны и их союзники активизируют собственные стратегии:

- продвижение «зелёных» инфраструктурных проектов с жёсткими ESG-требованиями;
- создание альтернативных финансовых механизмов (например, Европейский инвестиционный банк, ЕИВ);
- поддержка региональных инициатив, направленных на диверсификацию партнёрств.

Эти действия усиливают конкуренцию за влияние на Глобальный Юг, вынуждая развивающиеся страны проводить более осторожную внешнюю политику. В условиях санкционной войны и технологического раскола сотрудничество с Китаем может обернуться потерей доступа к западным технологиям и рынкам, что создаёт дополнительные стратегические риски.

Китайская модель глобального управления демонстрирует высокую эффективность в решении краткосрочных задач (финансирование, инфраструктура), но порождает долгосрочные уязвимости:

- Долговая зависимость и угроза утраты контроля над стратегическими активами.
- Экологические и социальные конфликты, подрывающие легитимность проектов.
- Геополитическая поляризация, ограничивающая свободу манёвра партнёров.
- Ограниченная технологическая автономия из-за дефицита передачи компетенций.

Для Китая преодоление этих вызовов требует:

- повышения прозрачности кредитных соглашений;
- интеграции экологических и социальных стандартов в проекты;
- расширения программ подготовки местных кадров;
- поиска компромиссов с западными институтами для снижения геополитической напряжённости.

Для развивающихся стран ключевым условием минимизации рисков остаётся диверсификация партнёрств и тщательная оценка долгосрочных последствий интеграции в китайскую систему глобального управления.

Эволюция китайской модели глобального управления происходит на фоне углубляющейся многополярности и кризиса традиционных международных институтов. Несмотря на существующие вызовы, Пекин демонстрирует готовность адаптировать свои подходы, балансируя между отстаиванием стратегических интересов и необходимостью учитывать глобальные тренды. Ключевыми направлениями трансформации выступают экологизация проектов, цифровизация сотрудничества и поиск компромиссов с западными партнёрами.

Одним из центральных векторов развития остаётся интеграция ESG-стандартов в китайские инициативы. Под давлением международного сообщества и в рамках собственных обязательств по достижению углеродной нейтральности к 2060 году Китай постепенно пересматривает подходы к финансированию инфраструктурных проектов. Так, в 2020-х годах Пекин объявил о прекращении поддержки строительства угольных электростанций за рубежом, переключившись на «зелёные» проекты в сфере возобновляемой энергетики. Это не только снижает экологические риски, но и повышает легитимность китайских инициатив в глазах развивающихся стран, для которых вопросы устойчивого развития становятся приоритетными.

Однако эффективность таких шагов будет зависеть от реального внедрения строгих экологических критериев, а не формального декларирования намерений.

Существенную роль играет цифровизация сотрудничества в рамках концепции «Цифровой Шёлковый путь» (e-BRI). Китай продвигает интеграцию цифровых технологий — от 5G и облачных сервисов до систем электронного правительства — в экономики партнёров. Это создаёт предпосылки для формирования технологических коридоров, где китайские стандарты (например, в области искусственного интеллекта или кибербезопасности) становятся базовыми. Для развивающихся стран это открывает доступ к современным решениям, но одновременно усиливает зависимость от китайских платформ. В перспективе Пекин может использовать цифровые инструменты для расширения экономического влияния, однако это потребует преодоления настороженности партнёров, опасющихся утечки данных и потери цифрового суверенитета.

Важным аспектом остаётся поиск баланса в отношениях с Западом. Китай не стремится к полному разрыву с существующими международными институтами, но настаивает на их реформировании с учётом интересов развивающихся стран. Участие в «Группе двадцати» (G20), сотрудничество с МВФ и Всемирным банком позволяют Пекину продвигать свои инициативы в рамках легитимных площадок, избегая прямой конфронтации. При этом Китай активно использует альтернативные форматы — БРИКС+, ШОС, АБИИ — для создания параллельных механизмов глобального управления. Их эффективность будет определяться способностью предложить партнёрам не только финансирование, но и устойчивые модели взаимодействия, минимизирующие геополитические риски.

Региональная экспансия остаётся ключевым элементом стратегии. В Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке Китай фокусируется на проектах, укрепляющих его позиции в глобальных цепочках поставок: порты, логистические узлы, добыча критически важных ресурсов (литий, редкоземельные металлы). При этом Пекин вынужден учитывать растущую конкуренцию со стороны США и ЕС, которые предлагают альтернативные программы финансирования с жёсткими условиями в области экологии и прав человека. Для сохранения привлекательности китайской модели необходимо повысить прозрачность контрактов, расширить участие местных компаний и снизить долговую нагрузку партнёров.

Институциональное укрепление китайской системы глобального управления проявляется в развитии многосторонних форматов. БРИКС+ и ШОС становятся платформами для координации позиций развивающихся стран по вопросам торговли, финансов и безопасности. Китай использует эти структуры для продвижения норм, отражающих интересы Глобального Юга, — например, реформирования квотной системы МВФ или создания альтернативных платёжных систем. Однако успех таких инициатив зависит от способности преодолеть внутренние разногласия между участниками и предложить действенные механизмы коллективного принятия решений.

В долгосрочной перспективе китайская модель глобального управления может развиваться по трём основным сценариям:

Углубление интеграции с Глобальным Югом — расширение сети партнёрств на основе инфраструктурных и технологических проектов при сохранении принципов невмешательства и взаимной выгоды.

Конфронтация с западными институтами — дальнейшее формирование параллельных структур (банки, платёжные системы), что усилит поляризацию мировой экономики и повысит издержки для развивающихся стран.

Гибридная модель сосуществования — постепенное сближение с западными нормами (ESG, прозрачность) при сохранении ключевых элементов китайской стратегии, что позволит снизить геополитические риски и расширить круг партнёров.

Таким образом, перспективы китайской концепции глобального управления определяются способностью Пекина:

- сочетать амбициозные геополитические цели с решением внутренних задач (снижение долговой нагрузки, экологическая модернизация);
- адаптироваться к требованиям устойчивого развития, не теряя конкурентных преимуществ;
- выстраивать диалог с Западом, избегая жёсткой конфронтации;
- укреплять доверие партнёров через повышение прозрачности и передачу технологий.

Для мирового сообщества китайская модель остаётся одновременно вызовом и возможностью. Её эволюция будет влиять не только на баланс сил в глобальной экономике, но и на то, насколько эффективно система международного управления сможет отвечать на вызовы XXI века — от климатического кризиса до цифровой трансформации.

Заключение

Проведённый анализ китайской концепции глобального управления позволяет сделать вывод о её многогранности и динамичности. На фоне трансформации мирового порядка Китай последовательно выстраивает альтернативную модель взаимодействия с развивающимися странами, сочетая экономические инструменты, институциональные механизмы и идеологическую рамку. Ключевая особенность этой модели — прагматизм: Пекин делает ставку на взаимную выгоду, невмешательство во внутренние дела и опору на многосторонние форматы, где может влиять на формирование норм.

Китай не стремится к полному демонтажу существующей системы международных институтов, но активно создаёт параллельные структуры (АБИИ, БРИКС+, ШОС), позволяющие продвигать собственные правила игры. Это формирует многополярную архитектуру глобального управления, где Пекин выступает одним из центров принятия решений.

Экономические механизмы Китая (кредитная дипломатия, инфраструктурные проекты, зоны свободной торговли) демонстрируют высокую эффективность в краткосрочной перспективе, однако их долгосрочная устойчивость зависит от способности Пекина учитывать ESG-стандарты и требования прозрачности.

Для развивающихся стран сотрудничество с Китаем — это одновременно возможность ускоренного развития и источник стратегических рисков. Успех партнёрства во многом определяется способностью стран-реципиентов диверсифицировать связи и защищать свой суверенитет.

Геополитическая конкуренция с Западом остаётся ключевым вызовом для китайской модели. Ответные меры США и ЕС (альтернативные инфраструктурные инициативы, санкционное давление) вынуждают Пекин искать компромиссы, не отказываясь от стратегических амбиций.

Китайская концепция глобального управления представляет собой сложный феномен, который продолжает эволюционировать под воздействием внутренних и внешних факторов. Её успех будет зависеть от способности Пекина сочетать амбициозные геополитические цели с

решением глобальных проблем — от климатического кризиса до технологической безопасности. Для мирового сообщества эта модель остаётся вызовом и возможностью одновременно, требуя от всех участников международных отношений гибкости и готовности к диалогу.

Библиография

1. Захарова И. В. Экономические механизмы китайской экспансии в Африке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. № 7. С. 45-62.
2. Ли Минь. Китайская модель глобального управления: от теории к практике. Пекин: Изд-во общественных наук, 2024.
3. Smith J., Patel R. China's Financial Diplomacy: Challenges and Opportunities for the Global South // *Journal of International Relations*. 2024. Vol. 45, no. 3. P. 112-130.
4. Wang Hui. The Belt and Road Initiative: Geopolitics and Development in the 21st Century. London: Routledge, 2025.

China's Global Governance Concept: Economic Mechanisms and Impact on Developing Countries

Anna A. Makarevich-Konstantinova

Senior Lecturer,
Department of Economics, Production Management,
and State and Municipal Management,
Institute of Economics and Law,
Petrozavodsk State University,
185910, 33, Lenina ave., Petrozavodsk, Russian Federation;
e-mail: Makarevich@mail.ru

Abstract

The article examines the Chinese concept of global governance, its economic mechanisms, and its impact on developing countries in the context of geopolitical changes in 2022–2026. The author analyzes the evolution of China's foreign economic strategy, from the principle of "peaceful development" to the idea of a "community with a shared future for mankind," and reveals the key instruments for implementing this model: the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), the Silk Road Fund, the "One Belt, One Road" (OBOR) initiative, bilateral credit lines, free trade zones, and mechanisms of currency diplomacy. Based on regional cases (Africa, Southeast Asia, Latin America), the effects of cooperation with China are assessed: on the one hand, accelerated infrastructure development and access to technology, on the other, risks of debt dependence, environmental conflicts, and technological vulnerability. Special attention is paid to criticism of the Chinese model: accusations of "debt traps," non-market practices, and geopolitical polarization. The work also examines prospects for the development of the concept, including the integration of ESG standards, digitalization of cooperation ("Digital Silk Road"), and the search for balance in relations with the West. It is concluded that the sustainability of the Chinese model depends on Beijing's ability to combine strategic ambitions with solving global problems — from the climate crisis to digital security.

For citation

Makarevich-Konstantinova A.A. (2026) Kontsepsiya global'nogo upravleniya Kitaya: ekonomicheskiye mekhanizmy i vliyaniye na razvivayushchiesya strany [China's Global Governance Concept: Economic Mechanisms and Impact on Developing Countries]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (1A), pp. 114-125. DOI: 10.34670/AR.2026.37.15.011

Keywords

Chinese global governance; "One Belt, One Road" (OBOR); Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB); Silk Road Fund; developing countries; debt diplomacy; ESG standards; digital integration; multipolarity; geopolitical competition; BRICS+; SCO; technological dependence; sustainable development; currency diplomacy.

References

1. Li, M. (2024). Kitayskaya model' global'nogo upravleniya: ot teorii k praktike [The Chinese model of global governance: from theory to practice]. Beijing: Social Sciences Academic Press.
2. Smith, J., & Patel, R. (2024). China's financial diplomacy: challenges and opportunities for the Global South. *Journal of International Relations*, 45(3), 112–130.
3. Wang, H. (2025). *The Belt and Road Initiative: Geopolitics and development in the 21st century*. London: Routledge.
4. Zakharova, I. V. (2025). Ekonomicheskiye mekhanizmy kitayskoy ekspansii v Afrike [Economic mechanisms of Chinese expansion in Africa]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, (7), 45–62.